

Theatre and Music. Mosk[ovskiy] L[istok]. 1913, December 5, no. 280, p. 4.

Театр и музыка. Моск. л. 1913. 5 декабря, № 280. С. 4.

Quoted in Val'kova, S. V. Rachmaninoff: Chronicle of Life and Works, vol. 2, p. 488

The first concert of S. V. Rachmaninoff, which took place on Tuesday, was distinguished by an unusually large audience, which, however, is understandable: Mr. Rachmaninoff does not perform as a pianist very often, and meanwhile his popularity has already acquired a tint of glory, since the exceptional combination in one person of three enormous talents - composer, pianist and conductor, and the entire scope of his musical talent have created for him the position of the greatest musical figure in Russia at the present time.

A distinctive feature of S. V. Rachmaninoff's entire musical persona is majesty. This majesty distinguishes his powerful, overwhelmingly confident playing, producing grandeur even in the most subtle pianissimo. This majesty also distinguishes his compositions, be it the graceful, clear C sharp minor prelude or the elegiac barcarolle. This majesty is felt in the entire texture of his works. Their musical design provides the richest sonic ornamentation, the richness of which, in connection with the consistency of style, involuntarily brings to mind Gothic architecture with its attraction to grandeur. A feature shared by Rachmaninoff's music and the Gothic style is a certain stern austerity—the exact opposite of certain contemporary trends that cultivate the sensuous, sonorous aspect. Despite the complexity of Rachmaninoff's writing, it is clearly perceived, of course, not in all the details, but in its general outlines. It is not easy to grasp Rachmaninoff's moods, and to do so, even regarding the program of a single concert, is impossible within the confines of a newspaper article.

Therefore, we will limit ourselves to simply noting that we find little light, radiance, joyfulness, or languid lyricism in his writing. Such pages are rare exceptions for Rachmaninoff. Characteristic, however, are the moods that distinguished many of the works from the program of his last concert, but which are particularly powerfully defined in the wonderful music of the scenes of Dante's hell from his opera Francesca da Rimini.

All of Rachmaninoff's music represents an evolution in the direction of Tchaikovsky. Armed with modern compositional technique, Rachmaninoff nevertheless moves freely. He is free from preconceived theories. He is absolutely sincere. Thanks to this, all of his work gives a very definite, though difficult to define, character. As a composer, Mr. Rachmaninoff is a powerful individual. And a few bars of any of his works immediately reveal their author: Wagner, Tchaikovsky, and Mussorgsky are immediately felt.

In conclusion, we must note that this time Mr. Rachmaninoff was especially “in good shape” and performed the wonderful new (second) sonata and everything else played according to the program and beyond it, with absolutely amazing goodness. Kochetov N

[Translation: Google]

Состоявшийся ВО вторник первый концерт С. В. Рахманинова отличался необычайным многолюдством публики, что, впрочем, и понятно: г. Рахманинов не так часто выступает как пианист, а между тем популярность его получила уже оттенок славы, так как исключительное сочетание в одном его лице трех огром-композиторского, пианистического и дирижерского, и весь объем его музыкального дарования создали ему положение самого крупного музыкального деятеля России в настоящее время.

Отличительной чертой всего музыкального облика С. В. Рахманинова является величавость. Величавость отличает его игру мощную, подавляюще-уверенную, дающую грандиоз даже в самом тонком *pianissimo*. Величавость отличает и его сочинения, будь это грациозная в своей ясности прелюдия *cis-moll* или элегическая баркаролла. Величавость чувствуется во всей фактуре его произведений.

Музыкальный рисунок их дает богатейшую звуковую орнаментику, богатство которой, в связи с выдержанностью стиля, невольно наводит мысль на готическую архитектуру с ее влечением к грандиозу. И общим с готикой в музыке г. Рахманинова является какая-то суровая строгость, представляющая полную противоположность некоторым современным течениям, дающим культ чувственно-звучной стороны. При всей сложности рахманиновского письма оно воспринимается ясно, конечно, не во всех деталях, но в общих очертаниях. Не так легко войти во вкус рахманиновских настроений, и сделать это, даже по поводу программы одного концерта, в рамках газетной заметки невозможно. Поэтому мы ограничимся только замечанием, что света, лучезарности, жизнерадостности, истомного лиризма мы у него найдем мало. Такие страницы для Рахманинова редкие исключения. Характерными же являются те настроения, которые отличали и многие сочинения из программы последнего концерта, но которые с особенной силою определились в чудесной музыке картин дантовского ада из его оперы «Франческа да Римини».

Вся музыка г. Рахманинова являет собой эволюцию в направлении, идущем от Чайковского. Г. Рахманинов во всеоружии современной композиторской техники идет, однако, свободно. Он чужд предвзятых теорий. Он абсолютно искренен. Благодаря этому все его творчество дает вполне определенный, хотя и трудно определяемый, характер. Как композитор г. Рахманинов - могучая индивидуальность. И несколько тактов любого из его сочинений сейчас же выдают их автора: так сразу чувствуются и Вагнер, и Чайковский, и Мусоргский.

В заключение мы должны отметить, что на этот раз г. Рахманинов был особенно «в ударе» и положительно изумительно хорошо исполнил прекрасную новую (вторую) сонату и все остальное, игранное по программе и сверх нее.